92 V

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА

С. П. Б.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № ■ 30 ■

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1912.

Просм. 1 г.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининси. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На заръ исторіи Н. Н. Рериха.

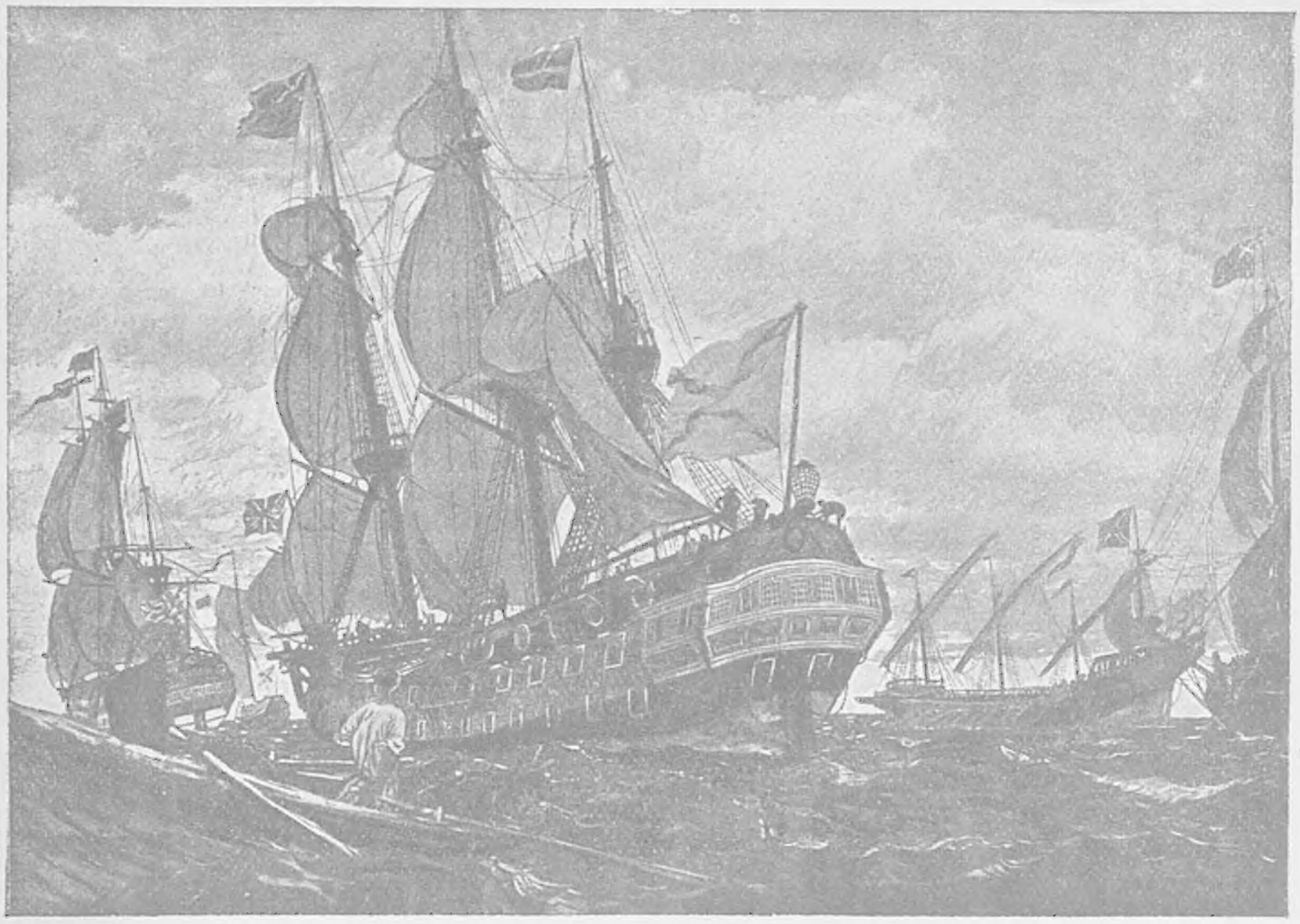
Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 30.



Е. Е. Лансере. Флотъ Петра Великаго.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1912.

Прив

2
4819-30

5624

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.
1912.

Научная Б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Флотъ Петра Великаго.

На картинѣ изображены типичныя суда Петровскаго флота; 64-пушечный корабль и галера въ составѣ эскадры идутъ въ море, быть-можетъ, навстрѣчу шведскимъ судамъ, или просто для упражненій въ трудномъ морскомъ дѣлѣ. На переднихъ мачтахъ кораблей видны синіе флаги. Это значитъ, передъ нами только авангардъ, передовыя суда эскадры, идущія подъ командой «адмирала отъ синяго флага»—второго по старшинству лица, выходящей въ море эскадры. На кормѣ корабля развѣвается андреевскій флагъ—знамя корабля, на носу—такъ называемый гюйсъ, который имѣлъ значеніе крѣпостного флага. На задней мачтѣ—бизани—поднятъ флагъ, имѣющій какое-то сигнализирующее значеніе. Когда на кораблѣ находился самъ царь, то на гротъ-мачтѣ (средней) поднимали штандартъ—желтый флагъ съ изображеніемъ государственнаго герба—чернаго орла, державшаго въ клювахъ и лапахъ развернутые карты четырехъ подвластныхъ Россіи морей: Бѣлаго, Каспійскаго, Азовскаго и Балтійскаго.

Русскія суда петровскаго флота строились по лучшимъ англійскимъ и голландскимъ чертежамъ. Самъ прекрасный знатокъ кораблестроительнаго дѣла, Петръ умѣло приспособлялъ избранныя модели при постройкѣ своихъ судовъ къ особенностямъ тѣхъ водъ, гдѣ имъ предстояло плавать; въ общемъ петровскія суда были построены красиво и смѣло, но они не отличались крѣпостью; происходило это отъ дурного качества матеріала, неопытности рабочихъ, отъ дурной системы крѣпленія, а главное, отъ быстроты постройки, которая вызывалась не столько лихорадочной нетерпѣливостью Петра, жаждавшаго видѣть свой флотъ на водѣ, сколько отъ необходимости имѣть его для отпора шведамъ. Петровскія суда первоначально не могли глубоко сидѣть въ водѣ, потому что на пути изъ верфей въ море имъ предстояло проходить столько мелкихъ мѣстъ, что при глубокой осадѣ они могли и не попасть въ море. Большіе фрегаты съ во-

оруженіемъ сидѣли въ водѣ болѣе 9 фут., а глубина въ устьѣ Свири, напримѣръ, всего 8 фут., у Шлиссельбурга же — 7 фут. На такихъ мѣстахъ приходилось не только разоружать фрегаты, но и разгружать, такъ что иное большое судно проходило черезъ мелкія мѣста даже со снятыми мачтами. Суда этого времени не велики—длина пятидесяти-пушечныхъ кораблей достигала до 110 фут. а ширина—23 фут. Галеры имѣли до 89 фут. длины и до 15 ширины. Галеры были суда больше весельныя, чѣмъ парусныя, и задачей ихъ было нести охранную и развѣдочную службу при эскадрѣ и буксировать парусный флотъ въ безвѣтренное время. На большихъ галерахъ было до 38 веселъ съ каждаго борта и обыкновенно двѣ съемныя мачты съ косымъ латинскимъ парусомъ. На носу, подъ помостомъ, на которомъ во время боя собирались солдаты, стояли три мѣдныя пятифутовыя пушки. Прислуга при орудіяхъ прикрывалась оградой изъ тюфяковъ и старыхъ снастей. Посерединѣ галлеры шелъ досчатый помостъ, шириной около 2 футовъ, называвшійся «куршея». На этомъ помостѣ стояли матросы, управлявшіе парусами; онъ же служилъ сообщеніемъ между кормой и носомъ судна. По обоимъ бортамъ тянулась сплошная скамья—банка, на которой гребцы спали и сидѣли въ свободное время. Отъ куршеи, нѣсколько вкось къ борту, шли банки для гребцовъ. Подъ банками были ступени, къ которымъ приковывали лѣвую ногу гребца, если онъ былъ преступникъ, осужденный на галеры. Въ кормѣ устраивалось помѣщеніе для командира и офицеровъ. Гребцы были рабочей силой судна; они гребли во время хода на веслахъ, а при плаваніи подъ парусами, не сходя со своихъ мѣстъ, тянули канаты и снасти, подаваемые имъ матросами. Галеры строились очень легкими и ходкими: въ тихую погоду и при хорошо обученныхъ гребцахъ они могли дать ходу до 6 узловъ*) въ часъ.

Характерной особенностью тогдашней корабельной архитектуры было изобиліе разныхъ наружныхъ украшеній. Рѣзьба щедро украшала не только корму и носъ, но и борта судна петровскихъ временъ. Обыкновенно корма украшалась государственнымъ гербомъ и аллегорическими фигурами, имѣвшими отношеніе къ имени корабля; названію соотвѣтствовала и носовая фигура. Такъ, на кормѣ корабля «Полтава» были рѣзныя аллегорическія фигуры, изображавшія пораженіе шведовъ подъ Полтавой.

---

*) Узелъ $= 1^3/_4$ версты.

Первые русскіе матросы были изъ тѣхъ же «потѣшныхъ», которые маршировали съ Петромъ по улицамъ Москвы отъ Преображенскаго на Воробьевы горы, строили Прешпурхъ, брали и защищали его, ломали Кожуховскій походъ, а потомъ незамѣтно оказались заправскими солдатами подъ Азовомъ и Нарвой. На Плещеевомъ озерѣ, на Бѣломъ морѣ, при походѣ на судахъ къ Азову эти «потѣшные» несли и матросскую службу. Нѣкоторые изъ преображенцевъ, сохранивъ свое званіе по гвардіи, совсѣмъ зачислились во флотъ, это были извѣстные капитаны Ипатъ Мухановъ и Иванъ и Наумъ Синявины, практически изучавшіе морское дѣло на голландскихъ и англійскихъ военныхъ судахъ.

Заботы Петра объ обученіи личнаго состава флота начались еще въ 1697 г., когда были отправлены три партіи стольниковъ въ Венецію и четвертая въ Англію и Голландію. Въ 1699 г. эти стольники вернулись, и царь сдѣлалъ имъ экзаменъ въ Воронежѣ. На кораблѣ, стоявшемъ на якорѣ, дѣлали стольники «экзерцицію» «къ великому удовольствію его величества и всѣхъ бояръ»; но экзаменъ изъ морскихъ наукъ, сдѣланный самимъ Петромъ, выдержали сколько-нибудь удовлетворительно всего четверо; вообще изъ этой первой посылки вышло мало хорошихъ моряковъ, болѣе удачна была «посылка» въ 30 человѣкъ, отправленныхъ вмѣстѣ съ царемъ въ Голландію и Англію.

Настоящіе матросы, т.-е. приставленные исключительно къ морскому дѣлу, появляются впервые въ большомъ количествѣ на судахъ азовскаго флота лишь съ 1700 г., когда записаны были въ матросы 1104 человѣка изъ солдатъ.

Первый наборъ «въ матросы» былъ произведенъ только въ 1702 г.; интересно, что, кромѣ призванныхъ 1300 человѣкъ, записалось въ матросы 394 человѣка разныхъ званій охотниками въ возрастѣ отъ 12 до 20 лѣтъ. Когда азовскій флотъ прекратилъ свое существованіе, экипажи его судовъ были переведены на Бѣлое море и на возникавшій балтійскій флотъ. Въ матросы старались набирать людей молодыхъ, сколько-нибудь привычныхъ къ водѣ, преимущественно жителей Поволжья, Поморья и Озерной области. Осенью 1705 г. возвратились на родину молодые люди, учившіеся два года въ Голландіи. Съ основанія флота и во все время шведской войны, на русскую морскую службу нанималось много иностранцевъ разныхъ чиновъ, начиная отъ адмираловъ и кончая матросами.

Такіе настоящіе моряки, поступившіе на русскую службу,

какъ голландскій адмиралъ Корнелій Крюйсъ, англичане Бекгамъ и Пембургъ, далматинецъ Змаевичъ много содѣйствовали своими трудами и знаніями развитію военно-морского дѣла въ Россіи. Крюйсъ составилъ правила морской службы, Бекгамъ и Пембургъ явились отличными инструкторами-учителями на практикѣ русскихъ людей морскому дѣлу, а Змаевичу много обязана своей организаціей галерная флотилія Петра, оказавшая ему неоцѣнимыя услуги при дѣйствіяхъ въ тѣсныхъ для большихъ кораблей и опасныхъ всякими подводными неожиданностями финскихъ шхерахъ.

Въ началѣ устройства флота царь Петръ нанималъ за границей въ морскихъ странахъ, преимущественно въ Голландіи и низшихъ служителей флота—матросовъ и боцмановъ всѣхъ статей. Такъ въ 1704 г. въ Голландіи было нанято на русскую морскую службу, кромѣ 69 офицеровъ, 13 лѣкарей, еще 103 унтеръ-офицера и 3 матроса; въ 1707 г. въ Голландіи же, въ городѣ Амстердамѣ, нанято было 1500 матросовъ; въ 1708 г. Петръ приказывалъ нанять въ Венеціи, «ежели найдутся, изъ славянъ извѣстныхъ матросовъ».

Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ офицеры выходили свои, обучавшіеся на иностранныхъ судахъ и выслуживавшіеся дома, пріемъ на службу иностранныхъ офицеровъ все болѣе сокращался. Послѣ войны матросы-иностранцы всѣ были уволены, и въ 1720-хъ годахъ въ числѣ 7205 матросовъ русскаго флота не значилось ни одного иностранца. Сокращалось постепенно и количество иностранцевъ офицеровъ. Въ 1705 г. на эскадрѣ, зимовавшей у Котлина, офицеры русскаго происхожденія составляли только четверть всего количества наличныхъ офицеровъ. Но въ 1723 г. вице-адмиралъ Крюйсъ пишетъ генералъ-адмиралу Ѳ. М. Апраксину, что, по его мнѣнію, «ни одного иноземца въ офицеры не надлежитъ принимать, который не былъ бы добрымъ штурманомъ, понеже здѣсь и своихъ русскихъ офицеровъ довольно есть». Около 1723-хъ годовъ русскія суда съ русскими матросами, подъ командой русскихъ офицеровъ ходятъ не только по Балтикѣ, но плаваютъ въ Англію, Голландію, во Францію и даже въ Испанію.

На 32-пушечномъ фрегатѣ полагалось въ петровское время до 80 человѣкъ экипажа, на 50-пушечномъ—до 300, а на 84-пушечномъ—650 человѣкъ.

Матросамъ на корабляхъ петровскихъ временъ жилось очень неважно. Помѣщались они обыкновенно въ трюмѣ среди бо-

чекъ съ водой. Эти бочки отъ качки часто давали течь; вода, вытекая изъ нихъ, образовывала, смѣшиваясь съ песчанымъ балластомъ, грязь, превращая трюмъ въ какое-то болото. Рогожные кули, въ которыхъ хранился провіантъ, загнивали и распространяли ужасный запахъ; огромныя корабельныя крысы, случалось, кидались на людей и часто кусали сонныхъ; провизію составляли дурно пропеченные сухари и солонина, иногда уже испорченной доставленная на корабль; въ случаяхъ долгаго плаванія портилась и свѣжая провизія, сухари покрывались противной зеленой плѣсенью отъ сырости, мука горькла, вода въ бочкахъ тоже портилась и принимала цвѣтъ жидкаго кваса, а вкусъ и запахъ тухлыхъ яицъ; каменный или песчаный балластъ, занимая много мѣста въ трюмахъ кораблей, вообще не позволялъ быть очень щедрымъ на погрузку достаточнаго количества воды и провіанта и поэтому въ тѣ времена довольно часты были случаи, когда при долговременномъ плаваніи, провизіи не хватало, и матросамъ приходилось довольствоваться уменьшенными порціями.

Больныхъ и умершихъ было поэтому во флотѣ всегда очень много. Случалось, что всю эскадру охватывала какая-нибудь острая желудочная эпидемія, и экипажи приходилось, для освѣженія кораблей, свозить на берегъ. Англичанинъ Поддонъ, одинъ изъ лучшихъ адмираловъ Петра, относившійся къ матросамъ очень хорошо и человѣколюбиво, утверждалъ, что русскій флотъ, вслѣдствіе дурного продовольствія, терялъ людей вдвое болѣе любого иностраннаго флота. Въ 1717 г. у Поддона рекрутамъ было доставлено такое продовольствіе, что многіе заболѣвали, шли въ госпиталь, но и тамъ отъ худого смотрѣнія и содержанія умирали; другой разъ, тоже благодаря гнилому продовольствію, у него изъ 500 рекрутъ осталось въ теченіе одного мѣсяца всего 278, да и тѣ, «почитай, померли съ голоду... и обрѣтаются въ такомъ бѣдномъ состояніи отъ лишенія одежды, что, опасаются, вскорѣ помрутъ. Морскіе служители и по се число, 11 октября, содержатся на корабляхъ и ночуютъ, которымъ зѣло студено нынѣ». «Ваше сіятельство,—писалъ Поддонъ Апраксину,—невѣдомы есть о половинѣ бѣдностей людскихъ здѣсь. Боже, помоги имъ!» Поддонъ ходатайствовалъ объ улучшеніи жизни матросовъ передъ самимъ царемъ, писалъ ему, что «отъ добраго провіанту будутъ и люди лучше, а въ его величества службѣ надобно лучшихъ людей»; что отъ дурного содержанія теряются старые опытные матросы, а на выучку

Научная Б-ка им. Горького ЛГУ

такихъ же опытныхъ изъ молодыхъ нужно долгое время. Царь вполнѣ сочувствовалъ тому, что говорилъ Поддонъ, содѣйствовалъ исполненію различныхъ улучшеній матросскаго быта, но вникнуть во все, все устроить и все сдѣлать безукоризненно—было не во власти даже самого Петра, а его сотрудники не всегда стояли на высотѣ задачи и не всегда были безкорыстны.

Офицерамъ тоже приходилось трудно. Ихъ прежде всего, особенно въ первые годы существованія флота, было очень мало: хорошихъ штурмановъ, т.-е. знающихъ море и берегъ и морскіе пути людей, было совершенно недостаточно; вѣрныхъ морскихъ картъ и измѣреній не существовало, о теченіяхъ имѣлись самыя смутныя представленія, не все ладно обстояло въ умѣньи обращаться съ компасомъ, вычисленіе пути могли дѣлать только очень приблизительное; кромѣ всего этого, большинство офицеровъ были люди разныхъ національностей и съ трудомъ объяснялись какъ другъ съ другомъ, такъ и съ командой.

Но всѣ эти недостатки, злоупотребленія, вольныя и невольныя прорѣхи, покрывала могучая воля одного человѣка, которому море было родной стихіей, а морская служба—любимое дѣло. Корабли петровскихъ временъ не стояли праздно въ портахъ и выходили въ море вмѣстѣ со льдомъ, часто прорубаясь въ немъ, и только окончательное замерзаніе моря глухой осенью загоняло петровскій флотъ въ гавани. Благодаря такой школѣ, вырабатывались хорошіе моряки, и число крушеній, напримѣръ, было сравнительно очень невелико, несмотря на долгія и позднія плаванія; побѣды надъ шведскими судами при столкновеніяхъ свидѣтельствуютъ также, что, несмотря на внутренніе недостатки и тяжесть существованія на корабляхъ, офицеры и матросы были одушевлены тѣмъ дѣломъ, которое дѣлали, и дѣлали его такъ, что адмиралъ Петръ Михайловъ былъ ими доволенъ. Къ концу царствованія Петра русскій флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей, а галеръ и другихъ мелкихъ судовъ считалось въ немъ 787; всего экипажа было безъ малаго 28.000 человѣкъ. Достигнуть такой результатъ былъ всего въ 25 лѣтъ, если считать за начало постройку азовскаго флота.

Добыть море для Россіи было завѣтной мечтой Петра, въ исполненіи ея онъ видѣлъ задачу своей жизни, залогъ благоденствія отечества.

«Господь Богъ посредствомъ оружія возвратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдства, неправильно похищеннаго,—го-

ворилъ Петръ.—Умноженіе флота имѣетъ единственно цѣлью обезпеченіе торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россіей, потому что онѣ сначала ей принадлежали; во-вторыхъ, потому, что пристани необходимы для государства, ибо чрезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть». Море, морское дѣло, флотъ, корабли—все это сдѣлалось родной стихіей душѣ Петра, и онъ сталъ прекраснымъ знатокомъ морского и корабельнаго дѣла; современники считали его лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Россіи, онъ могъ быть не только опытнымъ руководителемъ и надзирателемъ при постройкѣ корабля, но и самъ умѣлъ построить корабль отъ киля до тонкой кормовой рѣзьбы. Корабль «Полтава», построенный Петромъ по его чертежамъ и подъ его личнымъ руководствомъ и наблюденіемъ, отличался очень хорошими морскими качествами и былъ хорошій ходокъ.

Проживая въ Петербургѣ, Петръ дня не пропускалъ безъ того, чтобы не заглянуть въ адмиралтейство и не постучать тамъ топоромъ, прикинуть чертежъ, сдѣлать строителямъ нѣсколько практическихъ указаній, поспорить о той или иной детали строящагося корабля съ своими любимыми мастерами Осдосомъ Скляевымъ и Гавріломъ Меншиковымъ, съ которыми плечо о плечо онъ изучалъ корабельное дѣло и началъ азовскій флотъ, а теперь строилъ Балтійскій.

Величайшимъ морскимъ торжествомъ для Петра былъ всегда спускъ въ воду новаго корабля. Эта церемонія должна была происходить въ его присутствіи и подъ его руководствомъ. Камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога Бергхольцъ оставилъ намъ живое описаніе этихъ торжествъ.

«Послѣ обѣда,—пишетъ Бергхольцъ,—когда пушечнымъ выстрѣломъ возвѣстили о спускѣ корабля, о которомъ говорилъ царь во время послѣдней прогулки по рѣкѣ, его высочество сѣлъ на свою барку и поѣхалъ въ адмиралтейство. Царь былъ уже тамъ и прилежно трудился надъ приготовленіемъ къ спуску. Онъ всегда самъ смотритъ за всѣмъ, даже самъ строитъ корабли, потому что, какъ говорятъ, знаетъ это дѣло едва ли не лучше всѣхъ русскихъ.

Увидѣвъ герцога, онъ обнялъ его, отвелъ немного въ сторону и сталъ ему говорить что-то на ухо, послѣ чего снова поспѣшилъ къ кораблю, чтобы осмотрѣть, не забыто ли что-нибудь.

Немного спустя, онъ возвратился и повелъ насъ на корабль,

гдѣ съ герцогомъ и со всею его свитою проползъ подъ мостки у киля, чтобы показать, какъ корабль сдѣланъ внизу и чѣмъ облегчается спускъ его на воду. Потомъ царь одинъ еще разъ обошелъ вокругъ корабля и осмотрѣлъ, все ли приготовлено, какъ нужно: его величество въ такихъ случаяхъ вѣритъ только собственнымъ глазамъ. Найдя, что все готово, онъ взошелъ на корабль и приказалъ начать его освященіе.

Новый корабль получилъ имя «Пантелеймонъ», т.-е. «Всемилостивый».

По окончаніи церемоніи, царь тотчасъ сошелъ съ него и повелъ его высочество къ тому мѣсту у воды, гдѣ можно было стоять и хорошо видѣть спускъ; но самъ не остался тамъ, потому что долженъ былъ собственноручно сдѣлать первый ударъ при отнятіи подмостковъ.

Корабль, назначенный къ спуску, былъ прикрѣпленъ большими желѣзными балками къ полозьямъ, намазаннымъ жиромъ, съ которыхъ онъ съѣзжаетъ на воду, когда поперечныя балки, держащія его съ обѣихъ сторонъ на штапелѣ, снизу вдругъ отнимаются и въ то же время отдергиваются веревками. При отнятіи задней балки корабль сперва медленно спустился со штапеля, но потомъ, какъ стрѣла, слетѣлъ на воду, при чемъ полозья сломались вдребезги и оставили на немъ нѣсколько балокъ, которыя уже потомъ были сбиты. Когда онъ пошелъ по водѣ, съ него раздались звуки литавръ и трубъ, смѣшавшіеся съ шумными восклицаніями народа, стоявшаго на старомъ кораблѣ и по берегу. Въ то же время началась пушечная пальба въ крѣпости и въ адмиралтействѣ.

Выплывъ на средину рѣки, корабль повернулся и шелъ нѣсколько времени по теченію воды; потомъ остановился на якорѣ. Этотъ счастливый спускъ несказанно радовалъ царя, который, лишь только корабль сошелъ на воду, тотчасъ поѣхалъ на него въ своей шлюпкѣ и сталъ принимать всѣхъ гостей, спѣшившихъ туда одинъ за другимъ.

Затѣмъ всѣ сѣли за столъ: дамы съ царицей наверху, а царь съ мужчинами въ другой каютѣ, внизу.»

Высоко цѣня и уважая своихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ въ морскомъ дѣлѣ, Петръ воспиталъ въ нихъ ту большую доблесть, которая такъ ярко выступаетъ въ дѣлахъ со шведами, и чувство собственнаго достоинства, любви и уваженія къ флагу, какъ представителю царя и Россіи на чужбинѣ. Разъ вышелъ такой случай: на пути въ Англію одинъ изъ лучшихъ петров-

скихъ капитановъ, Наумъ Синявинъ, зашелъ со своимъ фрегатомъ въ голландскую гавань. Голландцы почему-то захотѣли подвергнуть осмотру русскій военный корабль, чего по морскимъ правиламъ дѣлать не полагается. Синявинъ наотрѣзъ отказался, и когда дипломатическій нашъ чиновникъ Соловьевъ сталъ ему указывать на неудобство отказа голландцамъ въ ихъ желаніи осмотрѣть корабль и сказалъ, что судно могли бы за это арестовать, Синявинъ вспыхнулъ и горячо отвѣтилъ:

«Корабля своего осматривать не далъ, то есть правда, того ради, что я хочу еще честь и животъ мой продолжать, а буде я далъ бы мой корабль осматривать, то весьма честь и животъ вскорѣ бы минулся; и хотѣлъ бы я того шельмеца видѣть, который грозилъ арестованіемъ моего корабля! Развѣ и весь голландскій флотъ на мя подвигнется, и тотъ добровольно осматривать не можетъ, развѣ силою. Правда, мы здѣсь сильны только однимъ флагомъ и вымпеломъ, но потому-то и не боимся всего ихъ флота, а за оныя его такія непотребныя слова (объ арестѣ фрегата) вашей милости бы надлежало донести кому надлежитъ, понеже хотя бы на баркѣ былъ поставленъ флагъ и вымпелъ его величества, то уже судно стало военнымъ, а не торговымъ, и всякій голландскій корабль муситъ (долженъ) салютовать и вымпелъ свой спустить, что мы столько разъ видѣли, и впредь такъ будетъ!»

Морскія операціи петровскаго флота до сихъ поръ еще мало изучены, но спеціалисты всегда указываютъ на такія дѣйствія, какъ подъ Выборгомъ въ 1710, и на Гангутскій бой въ 1714 г.- какъ на образцовыя по тщательной маневрировкѣ и обдуманнымъ, рѣшительнымъ и смѣлымъ дѣйствіямъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что во главѣ кораблей и эскадръ царя Петра стояли опытные люди и распоряжались они умѣлымъ экипажемъ.

5624

Важнѣйшая литература: *Ѳ. Веселаго*, Очеркъ русской морской исторіи, *Н. Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. II и III; *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россія, т. XIV—XVII; Записки *Юста Юля* и др.

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ

Научная б-ка
им. Горького
ЛГУ

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ*, *предкахъ русскаго народа*, *объ ихъ торговлѣ*, *о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси*, *о судѣ*, *объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-30

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указ реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуе какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавор посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46 — *„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1494

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.